

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

О государственном правосознании²

Духовная сопринаадлежность людей, племен и наций естественно ведет их к организации жизни на основах общего права, общей власти и общей территории. Однородность духовной жизни, совместимость духовного творчества и общность духовной культуры составляют глубочайшую и подлинную основу всякого государственного единения. Именно эта связь — самая утонченная и подчас наименее сознательная и уловимая — творит самое могучее, самое нерасторжимое, безусловное и священное соединение людей в правовые и государственные союзы. Государство определяется именно тем, что оно есть *положительно-правовая форма родины*, а родина есть его *творческое, духовное содержание*. Отсюда — сущность государства, его способы бытия, его обоснования, его цель, его средства и его нормальное строение.

С незапамятных времен люди живут в государственных союзах и размеры накопленного ими политического опыта огромны. Вся история есть ряд великих предметных уроков, выстраданных человечеством в деле общественного строения; и, казалось бы, что эти уроки могли бы научить людей — и отвлеченному пониманию государственности, и практическому умению созидать и поддерживать политическое единение. И тем не менее ученый-государствовед доселе затрудняется указать те категории, в которых обстоит его предмет, а практический политик доселе повторяет старые ошибки и нередко ведет свой корабль неуверенной и неискусной рукой.

Эти ошибки объясняются не только случайными недосмотрами или личными неспособностями, но общими и основными *дефектами государственного правосознания*.

Люди все еще не усвоили основную аксиому всякой политики, согласно которой право и государство создаются для *внутреннего мира* и осуществляются именно через правосознание. И в науке, и в жизни все еще господствует *формальное* понимание государства, извращающее его природу и разлагающее в душах все основные начала гражданственности. Следуя этому пониманию, люди строят государственную жизнь так, как если бы она сводилась к известным, механически осуществляемым, внешним поступкам, оторванным от внутреннего мира и от духовных корней человека; наличие или отсутствие этих внешних поступков должны быть, по их мнению, обеспечены какими угодно средствами и какою угодно ценой — насилием или страхом, корыстью или наказанием; и к

¹ Иван Александрович Ильин (1883—1954) — доктор государственных наук, профессор, русский философ, писатель и публицист. Как философ был последователем Гегеля, русским гегельянцем, в частности, развивал концепт «национального духа», внёс вклад в разработку русской национальной идеи.

² Ильин И. А. О сущности правосознания. Глава 11. О государственном правосознании // Теория права и государства. 2-е изд., доп. / под ред. и с биографическим очерком В. А. Томсина. М. : Зерцало, 2008. С. 407—415.

этому будто бы сводится все: только бы люди повиновались, только бы вносили налоги, только бы не совершали преступлений и не творили беспорядков — а о стальное неважно. Государство понимается как строй *внешней* жизни, *а не внутренней*. Этим оно отрывается от правосознания и, питаясь поверхностными слоями или дурными силами души, вырождается в своем содержании и расшатывается в своих основах. Оно уводится из подлинной стихии народной жизни, сосредоточивается в изволениях и актах тесного круга правящих лиц и превращается для всех остальных граждан в чуждую им и неосмысленную систему мертвящего принуждения. Государственная принадлежность начинает переживаться как ненавистная кандалальная цепь, а правители кажутся чуть ли не бессмертными тюремщиками.

Если право бессильно и бессмысленно вне правосознания, то государство *униизительно, эфемерно и мертво вне государственного образа мыслей*. Ибо, на самом деле, не только его корни, но и обыденная жизнь его имеет внутреннюю, душевно-духовную природу. Нелепо и пагубно думать, что человек может жить внешними поступками в отрыве от внутренних состояний; или, что государство может достойно существовать, механически регулируя своих «подданных», устанавливая для них повинности и пошлины и не превращая их в *граждан*, участвующих *сознанием, волею, чувством и действием* в создании единой, разумно-организованной жизни. Государство не есть внешняя вещь среди вещей; и бытие его не имеет материально-телесного характера, хотя природный и хозяйствственный «субстрат» его и материален, а личный состав его ведет телесное существование. Государство есть нечто *от духа и нечто для души*. Оно есть *духовное единство* людей, ибо в основе его лежит *духовная связь*, предназначенная для того, чтобы *жить в душах и создавать в них мотивы для правильного внешнего поведения*.

В сознании этого лежит первая основа всякой государственности и политики; в осуществлении этого — первое условие ее истинного расцвета.

Государственный образ мыслей есть разновидность *правосознания*; этим уже сказано все основное. Государственный образ мыслей не сводится к знанию о том, что «есть на свете государство», к которому «я принадлежу». Но именно с этого он начинается.

Каждый человек, претендующий на умственную и духовную зрелость, должен отдать себе отчет в том, принадлежит ли он к какому-нибудь государству и к какому именно? И к чему это его обязывает и уполномочивает? И что значит вообще «принадлежать к государству»? Вне этого — политическое отличие гражданина от дикаря и даже от животного может стать неуловимым. Человек, который вообще *не знает* о своей государственной принадлежности, или *не знает*, к какому именно государству он принадлежит, — пребывает в состоянии первобытной наивности и политической невменяемости. В его душе еще не прозябло семя государственности. Дикарь, лишенный, подобно ребенку, политического самосознания, действительно, может не знать о своем факте своего гражданства; но именно поэтому он *совсем не ведет политической жизни*, да и не способен к ней. Бессмысленно ждать от него государственного изволения или акта, когда он настолько духовно немощен, что не способен даже ни к политической верности, ни к политическому предательству. Строго говоря, такие люди не входят в государство, а только *причисляются* к нему; они суть те «граждане *in spe*», которые

пребывают, может быть, пожизненно в состоянии полурабов, полуподданных, политически отличаясь от животных только этим «возможным будущим».

Понятно, что государственный союз, имеющий в своем составе большое количество таких полудикарей, ведет мнимое существование: правящие «причисляют» подданных, повелеваю и взыскивают с них так, как если бы те были способны к государственно-осмысленному акту. А между тем политическое слабоумие (*imbecillitas*) первобытной души делает ее бессмысленным орудием чужой воли: это орудие может «испортиться» в критический момент или перейти в другие руки, служащие другим целям, и тогда оно погубит государственное дело. Человек, таящий в себе политическое слабоумие, — не знающий о своем гражданстве или не понимающий его природы, — имеет только видимость разумного существа и всякая политическая организация, рассчитывающая на его разум и на его волю, обречена на печальный конец.

Однако этого мало: необходимо признавать свою принадлежность к определенному государству, т.е. принимать ее волею и чувством, дорожить ею и культивировать ее. Политическая принадлежность должна быть *сознательно принята* каждым отдельным гражданином и *признана* им в *нестесненном, свободном решении*; и это решение должно привести каждого к духовному акту добровольного самообязывания, или, что то же, к акту духовного вменения себе публично-правовых полномочий, обязанностей и запретностей. Вне этого государству неизбежно предстоит разложение.

Необходимо иметь в виду, что государственная принадлежность определяется, вообще говоря, не свободным и односторонним решением граждан, а гетерономными правовыми правилами, налагающими свое определение на человека до его решения и *помимо* его согласия. Еще до моего рождения было юридически установлено, что имеющее в моем лице родиться существо будет принадлежать к такому-то государственному союзу, так, что потом мое «незнание» было бессильно изменить в этом что-либо, а мое одностороннее «несогласие» всегда будет недостаточным для того, чтобы погасить мое гражданство. Государственная принадлежность имеет *объективное значение* и не зависит от воли одного лица. Но именно в этом обнаруживается опасность, характерная для всякого права: *духовное назначение гражданства и его жизненная эффективность* нуждаются именно в том, в чем не нуждается его формальное значение — в живом, со-держательном, волевом приятии, наполнении и осуществлении. Непризнанное человеком гражданство создает трагическую иллюзию: мертвый или эфемерный государственный союз. Объективному значению — противостоит душевная пустота или духовная ложь и симуляция; и это неизбежно убивает всякий смысл гражданства и всякую жизнь государства.

Нельзя быть членом политического союза вопреки собственному чувству и желанию; это значит превратить всю свою жизнь в систему явного и тайного попупредательства, разлагающего изнутри тот самый союз, который гражданину подобает создавать и поддерживать. Государство, имеющее в своем составе таких членов, совершает величайшую ошибку, сохраняя за ними звание граждан; оно творит самообман и готовит себе разложение.

Однако столь же нелепо быть членом политического союза *помимо* собственного чувства и желания; это значит превратить себя в мертвую,

зарегистрированную вещь, механически выполняющую известные внешние движения в меру чужой воли и чужого решения. Государство, готовое мириться с таким состоянием граждан, извращает самую сущность *политического единения*, ибо политическое единение творится именно *волею*, питаемо *чувством* и *ведомою сознанием*.

Государственный образ мыслей, государственное настроение чувств, государственное воленаправление — все это вместе составляет необходимую и реальную основу всякого живого государства или, вернее, — *подлинную ткань его жизни*. Это как бы тот воздух, которым оно дышит и без которого оно задыхается и гибнет. Где этого совсем нет, там нет государства, а есть только его пустая видимость; и первые же серьезные затруднения не замедлят обнаружить это. Человек творит государство именно *сознанием, чувством и волею*; не «просто» внешними поступками, но теми мотивами, которые побуждают его действовать так, а не иначе; не только правовыми нормами или силою принуждения, но длительным, устойчивым и содержательно-верным *напряжением души и духа*.

Для того, чтобы государство существовало в виде «внешней» общественной организации, оно должно жить в душах людей, занимая их *внимание*, вовлекая их *интерес*, постоянно заставляя их *мысль* — работать, их *волю* — напрягаться, их *чувство* — гореть. Народ, у которого политическая жизнь бесчувственна, безвольна, бессмысленна, — государственно мертв и бесплоден; его политическая организация «имеет значение» и «коституит *de jure*», но *не имеет духовного существования*. Такой народ, строго говоря, совсем не ведет политической жизни; ибо политическая жизнь есть разновидность *духовного творчества*. Это можно выразить так, что государство, как предмет, творимый человеком, соответствует своему назначению и достоинству только тогда, если оно творится *надлежащим органом* и притом органом, стоящим на *должной высоте*. Порочная воля, изуродованное или бессильное чувство, скучное и темное сознание — *не в состоянии строить государственную жизнь*. Ибо государство есть организованное единение духовно-солидарных людей, понимающих *мыслью* свою духовную солидарность, *приемлющих ее патриотическую любовью* и *поддерживающих ее самоотверженною волею*.

Таково истинное положение дел: вне мысли — политическое правосознание смутно и беспредметно, а государство бесформенно и незрело; вне чувства — политическое правосознание поверхностно и немощно, а государство неустойчиво и подвержено распылению; вне воли — политическое правосознание пассивно и инертно, а государство обречено на рыхлое и экстенсивное прозябание. Народ, который настолько неинтеллигентен разумом, что не понимает ни своего единства, ни природы государственности; настолько безразличен или мертв чувством, что не любит свою родину, ее политическую форму и независимость; настолько робок или слаб духом, что не имеет воли к духовно-политическому самоподдержанию, — такой народ *не имеет государства*: он политически аморфен и его государственное существование есть трагикомическая иллюзия.

Но для того, чтобы мысль, чувство и воля человека творчески зажили политическою связью, должно состояться *духовное принятие государства*. Каждый человек, пребывающий в состоянии наивного своекорыстия, должен принять

государство сначала в порядке эгоистического, а затем предметно-духовного интереса.

Прежде всего он должен удостовериться на самостоятельном и подлинном, всегда суровом и мучительном опыте, что он лично заинтересован в существовании и поддержании государства. Он должен изведать и убедиться, что он сам настоятельно нуждается в политическом единении; что его собственные, основные и насущные потребности ведут его к признанию государства; мало того, что его частный, эгоистический интерес сам по себе есть уже в известных пределах не что иное, как интерес самого государства и всего государства в целом; что, наконец, самая жизнь его невозможна вне или помимо политической организации.

В этом первоначальном, корыстном приятии государства человечество медленно и постепенно, — столетиями вынашивая опыт феодализма, гражданских войн и классовой борьбы, — научается публично-правовому и патриотическому бескорыстию. Оно научается тому, что жизнь имеет не только измерение личной корысти, но и измерение духовного достоинства, творящего верховный суд над всяkim «интересом»; оно научается тому, что государство есть нечто не только «полезное», но духовно-правовое и духовно-необходимое; что нельзя быть человеком, т.е. индивидуальным духом, в полном и истинном смысле этого слова, — и не участвовать личными силами в жизни и деятельности политически организованного союза. И, только убедившись в этом, человек получает достаточное и в то же время принудительное основание *признать государство и добровольно принять его законы в порядке самовменения и повиновения*.

Государство необходимо и приемлемо именно потому, почему необходимо и приемлемо положительное право: незрелое состояние человеческих душ, одержимых наивно-порочным, эгоистическим тяготением и не умеющими мотивировать свое внешнее поведение самостоятельным признанием естественной правоты, — делает государство необходимым и целесообразным способом поддержания естественного права через его положительно-правовое провозглашение и вменение. Неотчуждаемость и неумалимость естественных прав, с одной стороны, и весьма ограниченная способность людей к автономному самообязыванию, с другой, — ведут к организации таких союзов, которые должны устанавливать и ограждать естественный правопорядок посредством гетерономных правил и поддерживать их блюстение силу внешнего, общепризнанного, властующего авторитета. Единая власть союза, уполномоченная правом и сама подчиненная праву, получает обязанность формулировать естественное право в виде объективно-значащих, общеобязательных правил внешнего поведения (т.е. в виде положительного права), с тем чтобы эти правила проникали в сознание и к воле людей и порождали в них мотивы к правильному действованию.

По своей основной идее государство есть союз духовно сопринаадлежащих людей, племен и наций, объединенных ради гетерономного осуществления естественного права. Это означает, что государство имеет единую, объективную и высшую цель и что только свободное, волевое приятие этой цели делает человека воистину гражданином.

Так, государство в самом деле имеет такую единую, высшую цель, которой оно должно служить и которой оно в действительности, — с большим или меньшим успехом, — служит. Неискушенному, поверхностному взгляду может,

конечно, казаться, что люди в их *политической* деятельности преследуют множество разнообразных целей; так, что не только у каждого отдельного человека имеется своя, особая «политическая» цель, но что один и тот же человек может по произволу менять свои «политические» цели, отдаваясь им по очереди и перебирая их одну за другой. И каждая из этих субъективных и относительных целей, независимо от ее *содержания* и ее *достоинства*, будет иметь политический характер лишь благодаря тому, что кто-нибудь пожелает осуществить ее через *посредство государственной власти*. При таком понимании решающим является не вопрос о том, чего желает тот или другой индивидуум, а вопрос о том, *на каком пути* он задумал этого достигнуть. Всякая, самая нелепая, своекорыстная и противогосударственная цель окажется «политическою» целью, а деятельность, клонящаяся к ее осуществлению, окажется государственною деятельностью. *Формальное понимание государственности* и политики, удовлетворяясь пустыми признаками «организованной власти» и «общего правила», отрываясь от естественно-правовой основы всякого государства и прилепляясь к его положительно-правовой форме, — мирится со *всяким* интересом, освящает *всякое* вожделение, допускает *всякое* посягательство, вырождая тем и природу своего предмета, и самую жизнь человечества. Политический формализм насаждает в душах и в действиях людей самый беспринципный *политический релятивизм*, и в результате этого целые поколения людей вырастают в уверенности, что «в политике все дозволено» и что авторитетом государственной власти может быть все «прикрыто». И человечество, пожиная от времени до времени плоды этой деградации, продолжает слепо держаться за такую противоестественную традицию и нелепую практику.

В противоположность этому нормальное правосознание, еще со времен Платона и Аристотеля, утверждало и будет утверждать *единство и объективность* государственной цели и *«политического задания»*. Термин «политического» указывает не только на *путь* организованного властовования, но прежде всего — на некоторую *высшую ценность*, обслуживаемую государством. Так что из всех целей, с которыми люди восходят к власти, политическими будут только те цели, которые соответствуют этой высшей ценности. Интерес, «политический» с формальной точки зрения, может быть на самом деле — *противополитическим*; и деятельность, «государственная» по своей внешней видимости, может быть *на самом деле — совершенно противогосударственную*. Политика совсем не есть пустая форма «организованного властования»; нет, она имеет особое, конституирующее *ее содержание*. Государство совсем не есть социальный механизм, безразличный к творимому делу; нет, оно имеет свое особое, *содержательно-определенное задание*. Если государство совсем не осуществляет его, или осуществляет совсем не его, то оно не только «в идее» перестает быть государством, но фактически, жизненно разлагается и гибнет. Государство имеет свою, объективную природу, которая определяется его объективной целью и которая не может безнаказанно разрушаться и попираться. Те, кто не понимают этого, — те неспособны к политической деятельности; те, кто не блюдут этого, — готовят себе и своему государству трагический конец. Государственность таит в себе некий имманентный ей рок, и этот рок несет горе и мзду — и политически немудрому правителю, и политически слепому народу.